Мое сердце бешено колотилось, хотя я уже давно ничего не ел с тех пор, как доктор Стробум дал мне то яблоко и маленький кусочек ананаса. Я был дураком. Полнейшим и абсолютным дураком.

Повелительный голос Вольфганга отдавался эхом в тонких стенах моего дома, заставляя меня забиться под кучу платьев, чтобы спрятаться еще глубже. Этого человека называли Бешеной Собакой не просто так. Я был идиотом, поверив, что раз он не обратил на меня внимания в клинике, значит, он меня не заметил.

Слышались тяжелые шаги множества ботинок на полу, и я просто знал, что этот переполох не остался незамеченным. Королевская гвардия в трущобах в такой час. Каждая крыса и проходимец, скрывающиеся в этом районе, бросятся либо прятаться, либо выяснять, что происходит.

- Эй, что тут происходит? Мы тут ничего незаконного не делаем! - резко выкрикнул раздраженный голос. Это был домовладелец Бьянки и владелец ее бумаг на занятие проституцией, мистер Дарвин.

- Сэр, это официальное королевское дело, поэтому мы вынуждены попросить вас выйти, - приказал стражник мужчине. Любой другой здравомыслящий человек убежал бы отсюда, но Дарвин был уникальным типом.

- А, вы врываетесь в дом моей лучшей девочки и ждете, что я уйду? Некоторым из нас нужно зарабатывать деньги, в отличие от вас, аристократов, у которых работа сама падает в руки. - Я поморщился, находясь в шкафу. Дарвин становился таким строптивым, только когда много пил и хотел сбросить пар. Это не закончится для него хорошо.

Моя догадка подтвердилась буквально через две секунды, когда мистер Дарвин закричал, а его вытаскивали из дома. Бьянка была достаточно умна, чтобы спрятать дверь в мою комнату за флагом Империи. Осквернение флага каким-либо способом считалось преступлением, поэтому это был находчивый способ держать клиентов подальше от меня.

Мое существование не было тайной, поскольку в младенчестве я часто громко плакал, когда мне было трудно говорить. Наши соседи и люди, часто проходившие мимо нашего дома, знали, что у Бьянки где-то есть ребенок, и некоторые даже видели, как моя маленькая голова выглядывала из окна. Но в трущобах существовала политика "не спрашивай, не говори". Люди обычно не обращали внимания на чужую деятельность, будь то законная или незаконная.

..

- Сэр, я нашел что-то! - крикнул юный голос. Кулак громко стукнул в дверь моей комнаты, и я начал дрожать под теплыми зимними платьями, под которыми спрятался. Они нашли его так быстро и без посторонней помощи, я бы впечатлился при других обстоятельствах.

Дверь с грохотом распахнулась, разрушенная хорошо поставленным пинком. Мой драгоценный ведро с водой тоже было безжалостно отброшено в сторону, а мою маленькую кроватку сдвинули. Моя комната была скромным местом, но она была моей. И теперь эти увальни разрушали ее!

- Сэр, вы не говорили, что она молодая девушка. Почему здесь детская кроватка? - поинтересовался тот же самый голос, который обнаружил мою комнату. Ах, только не мою кроватку! Эти стражники испортят соломенный матрас, над которым я годами трудился, чтобы он больше не колол меня. Вольфганг проигнорировал стража. Кто-то разбил стекло, вероятно,

бутылки вина Бьянки, которые она держала. Она будет в ярости из-за этого в следующий раз, когда у нее будет выходной. Комната, в которой я прожил последние пять лет, подвергалась разграблению, и теперь я знал, что рано или поздно они начнут копаться в платяном шкафу и найдут меня.

Я не должен был прислушиваться к словам Бьянки и прятаться в платяном шкафу. Окно находится на расстоянии вытянутой руки, и когда я встаю на свое ведро, то могу заглянуть в него. Если бы я сбежал оттуда, меня бы не поймали. Но что я мог сделать один на улице?

У Бьянки не было друзей и семьи, которые удосужились бы посетить этот убогий домишко. Каждый день был одинаковым монотонным кругом обслуживания клиентов, желавших одного и того же. Тогда я понял, когда стражники подбирались все ближе и ближе к моему жалкому укрытию, что Бьянка всегда предназначала меня для того, чтобы меня нашли. Потому что жизнь, запертая во дворце, была бы безопаснее для молодой девушки в долгосрочной перспективе, чем жизнь на улицах, как у нее.

Прощай, мое относительно спокойное существование. Оно было немного жестоким, но утешало то, что меня не убьют в ближайшие несколько лет. Было приятно, пока это длилось.

Дверь шкафа распахнулась, наводняя комнату светом. Должно быть, они держали факелы, пока обыскивали мою темную, крошечную комнату. Я лежал как можно неподвижнее под платьями, перекрестив пальцы в надежде, что по чистой случайности они не утрудятся передвигать тяжелые зимние одежды и не обнаружат меня. Я зажал рот рукой, пытаясь полностью затаить дыхание.

- Сэр, этот шкаф пуст! - крикнул голос. Дверь с громким стуком закрылась, снова окутывая меня тьмой. Я еще сильнее прижал к себе Куклу, а пряди волос, которые я вырвал из чёрного платья, щекотали мой нос. Ощущение стало нарастать, и, к моему ужасу, меня сотряс чихающий спазм.

"Ах, боже мой!" — жалобно пискнула я, тут же зажав рот обеими руками. Едва успев выбраться из горячей воды, я снова в нее угодила. Я сидела, обхватив колени руками, и молилась, чтобы толстые платья и дверца шкафа скрыли этот звук.

Но это были напрасные надежды. Тусклое пространство шкафа вновь озарилось светом, и я почувствовала, как кто-то начал рыться в платьях. Наконец, с моей головы сняли последнее платье — бархатное синее, которое Бьянка надевала для знатных клиентов, заглядывавших к нам, — и передо мной предстало ухмыляющееся лицо Безумного Пса.

— Попалась, — самодовольно изрек он, а его взгляд был на уровне верхней полки шкафа. Это был ужасный момент: мы смотрели друг на друга точно так же, как и через окно клиники, и я произнесла лишь одно слово:

— Мята.

Но Вольфганг не обратил внимания на мои слова. Казалось, в этом мире леденцы с мятой — предвестник всех моих бед.

Он окинул меня долгим, изучающим взглядом, задержавшись на моих глазах. Стоявшие за ним стражники делали то же самое, глядя на меня с широко раскрытыми глазами, от чего мне так и хотелось спрятаться под платьем и больше никогда не показываться.

— Вот она, настоящая, ребята, — наконец заключил Вольфганг. Он скрестил руки на груди,

явно довольный собой, но затем снова вернулся в свой командирский образ.

— Вы двое, — гавкнул он, — немедленно отправьте срочное сообщение императору. Скажете, что это касается королевской линии наследования. А ты, — он указал на меня, — проследи, чтобы принцессу доставили во дворец в целости и сохранности. Иначе твоя голова полетит.

Принцесса. Вот первый раз, когда меня так называют в этом мире. И я уже ненавижу этот титул. Вперед вышел симпатичный молоденький стражник, протягивая ко мне руки.

— Пожалуйста, пойдемте со мной в безопасное место, ваше высочество, — дружелюбно попросил он. Это был тот самый проницательный страж, который нашел мою комнату. Инстинктивно я отшатнулась, забиваясь глубже в шкаф. Все это слишком внезапно, слишком незнакомо. И еще была Бьянка. С тех пор, как вошли стражники, я ни разу не слышала ее голоса.

Тихий кашель нарушил тишину, и я с изумлением посмотрела вниз. Бьянка была связана и заткнута кляпом, как откормленный поросенок, но умелым движением языка сумела освободить рот от кляпа.

— Оставьте мою дочь в покое, негодяи! — яростно прорычала она с пола. Она лежала в беспомощной позе, но глаза ее горели ненавистью. Несколько стражников, обыскивавших мою комнату, растерянно уставились на нее, но Вольфганг шагнул вперед с обманчивым спокойствием.

— Мадам, у нас есть основания полагать, что ваша дочь — королевская особа. По закону мы обязаны доставить ее во дворец, чтобы проверить, так ли это. Если окажется, что она простолюдинка, мы вернем ее вам до захода солнца завтрашнего дня.

Он говорил ровно и разумно, словно обсуждая погоду.

— Нет! Вы не можете забрать ее. Ее глаза такого цвета из-за детской болезни, а не из-за королевской крови! — возразила Бьянка, прерываясь от кашля. Она почти казалась искренне обеспокоенной, но, как я помню по роману, она сражалась лишь потому, что обещала моей матери держать меня подальше от императорской семьи.

Вольфганг тоже видел сквозь Бьянку.

— Если это так, то как простолюдинка, как вы, могли знать, что ее глаза — признак королевского происхождения? — задумчиво произнес он. Глаза Бьянки расширились от досады, что она проговорилась.

— Ну, я просто предположила.. — начала было она.

— Довольно, — оборвал ее Вольфганг непререкаемым тоном. Бьянка тут же умолкла, опустив глаза. Но вдруг ей пришла в голову новая мысль, и она решительно посмотрела на меня.

— Зима, пойди с ними.

Я уставилась на нее во все глаза. Это было ново. Казалось, весь ее боевой дух испарился, и она покорилась судьбе. Мои пальцы крепче ухватились за край шкафа. У меня не было роскоши следовать, куда меня поведет судьба. Я должна была яростно бороться со своей, иначе погибну. Я энергично покачала головой, и Бьянка еще свирепее посмотрела на меня.

— Просто уходи! — вырвалось у нее. — Господи, разве ты не видишь, какая ты обуза? Я устала тебя содержать. Ты стоишь гораздо больше, чем того стоишь. Жаль, что я тебя вообще не повстречала!

Ой. Что-то больно кольнуло в груди, похоже на то, что я чувствовала, когда в прошлой жизни застала Джонатана с Халли. Разбитое сердце? Я даже особо не любила Бьянку, так почему же ее слова так сильно ранили меня? Нижняя губа начала дрожать, и, заметив это, Бьянка продолжила напор.

"Я ошибка! Ты уже разрушил жизнь одного человека, не хочешь ли ты разрушить еще одну? Просто уйди и дай мне жить своей жизнью. С тобой рядом я никогда не буду свободной женщиной!" Ее голос звучал грубо, словно сдерживаемые слезы, но я едва заметил, как несколько из них потекли по моему лицу и капнули на куклу.

Я уже знал, что в этом новом мире, в котором я оказался, никто на самом деле не заботится обо мне. Это было чувство долга и верности своей покойной сестре, что удерживало Бьянку от того, чтобы отправить меня в детский дом. Но столкнувшись с этим знанием напрямую, это действительно ранило мое сердце. Я вспоминаю последние глаза, которые с любовью и добротой смотрели на меня, - это были глаза моей матери, когда я был еще Марией. Я всегда старался не думать о ней, но я так, так скучаю по ней.

Я был всего лишь одним, одиноким кораблем, дрейфующим в большом океане, который является Эрудийской империей. Разве было слишком много просить иметь хотя бы одного человека, которому не все равно? Это было слишком много для меня, чтобы справиться с этим в одиночку. В моей прошлой жизни меня предавали те, кто был мне ближе всего, и история была обречена на повторение, когда Бьянка смотрела на меня с полным отвращением с пола. Неужели во мне что-то не так, что все, кроме меня самого, могли видеть?

"И не забудь заплатить мне за нее, когда ты ее заберешь", - выплюнула Бьянка, ее последние слова были обращены к стражникам, наблюдавшим за разворачивающейся мыльной оперой.

"Она дочь раба, а значит, она тоже раб. Это будет стоить 10 золотых монет".

Моя жизнь стоит 10 золотых монет. Моя голова казалась тяжелой, настолько тяжелой, как будто на мои плечи легла глыба. Если бы только я мог лечь, хоть ненадолго. Тогда, возможно, как во сне, моя внезапная болезнь, стражники, все это исчезнет, как будто ничего не было. Мое маленькое пятилетнее тело качнулось набок на платья, и последнее, что я услышал, был вскрик удивления от стоявшего передо мной светловолосого стражника, когда я потерял сознание.

http://tl.rulate.ru/book/30200/3806514